

Е.А. Кочемировская

Фадеев Александр Александрович

Хрестоматийную биографию Фадеева можно было бы считать образцовой, если бы не самоубийство, которое, на первый взгляд, кажется совершенно нелогичным.

Александр Фадеев родился 24 (10) декабря 1901 в селе Кимры Корчевского уезда Тверской губернии в семье сельского учителя, придерживавшегося революционных взглядов. Раннее детство он провел в Вильно (ныне Вильнюс) и Уфе, а в 1908 переехал к отчиму на Дальний Восток. С 1912 по 1919 Фадеев учился во Владивостокском коммерческом училище, откуда ушел, не закончив восьмой класс. В училище он пристрастился к книгам, много читал, публиковал в рукописных ученических журналах свои стихи, очерки, рассказы.

Подростком Александр приобщился к революционной деятельности и в 17 лет стал большевиком-подпольщиком (кличка «Булыга»). Трагическая гибель его двоюродных братьев Всеволода и Игоря Сибирцевых укрепила Фадеева в его идеологических позициях. В апреле 1919 он был направлен в партизанские районы Дальнего Востока, участвовал в боях под Спасском и был тяжело ранен. В начале 1921 его, двадцатилетнего парня и преданного большевика, избрали делегатом X съезда партии.

Во время работы съезда, 2 марта 1921, в Кронштадте вспыхнул мятеж — восстал гарнизон города и экипажи некоторых кораблей Балтийского флота, — организованный эсерами, меньшевиками, анархистами. Его идеологи (в их числе и террорист Борис Савинков, выбросившийся из окна внутренней тюрьмы Лубянки в 1925) выдвинули лозунг «Советы без коммунистов». Мятеж долго не удавалось ликвидировать, и тогда съезд принял решение направить на его подавление около трехсот делегатов. В их числе был и Александр Фадеев, уже имевший опыт боевых действий. Восстание было жестоко подавлено, около тысячи моряков погибло, более двух тысяч были ранены, восемь тысяч повстанцев бежало в Финляндию.

По окончании Гражданской войны Фадеев хотел остаться в армии, но врачи признали его негодным к военной службе. Он поступил в Московскую горную академию, но ушел со второго курса — его призвали на партийную работу.

Так определилась политическая биография Александра Фадеева. Он на долгие годы попал в руководящую «обойму»; ему был поручен писательский фронт. С 1926 по 1932 Фадеев был одним из руководителей Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП), в 1939–1944 и 1954–1956 — секретарем, а с 1946 — генеральным секретарем и председателем правления Союза писателей СССР. В 1950 Фадеева избрали вице-президентом Всемирного Совета Мира, а в феврале 1951 — депутатом Верховного Совета РСФСР по Бологовскому избирательному округу Калининской области. Вот таким, большевистски прямолинейным, выглядел жизненный путь писателя, который завел его в тупик. 13 мая 1956 Александр Александрович Фадеев, автор программных произведений «Разгром» и «Молодая гвардия», застрелился в своем кабинете.

Многим казалось, что он испугался разоблачения культа личности Сталина, указания которого неукоснительно выполнял. Непосредственным поводом к выстрелу якобы стал следующий случай. После начала реабилитации невинно пострадавших при Сталине некоторые из тех, кто был арестован и посажен по ордерам, завизированным Фадеевым, вернулись в Москву. Один из этих людей публично назвал Фадеева негодяем и чуть ли не плюнул ему в лицо. Этого было достаточно для того, чтобы Фадеев решил — наступил час расплаты.

Складывается довольно неприглядная картина — всемогущий партийный чиновник от искусства, уничтожавший талантливых собратьев по перу, понял, что его время окончилось, и, мучимый угрызениями совести, решился на единственно возможный в его

случае шаг. Возможно, что Александр Фадеев испытывал что-то похожее, но его поступки далеко не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Борис Пастернак как-то сказал: «Фадеев... ко мне хорошо относится, но если ему велют меня четвертовать, он это выполнит...» И эти слова наиболее точно характеризуют Александра Александровича.

Он был настоящим большевиком и с юных лет чувствовал себя солдатом партии, которая всегда права, а его самого называли тенью Сталина. Фадеев, конечно же, не мог оставаться в стороне от репрессий, его подпись стоит под многими ордерами на арест (о готовящемся аресте режиссера Мейерхольда Фадеев узнал за пять месяцев, и все это время, встречаясь с Всеволодом Эмильевичем, молчал). Он возглавлял кампании травли «неугодных» деятелей искусства и в то же самое время тайком помогал опальным писателям. В 1946 Фадеев возглавил кампанию против Зощенко и Ахматовой, но он же в 1940 голосовал за выдвижение поэтессы на Сталинскую премию, хлопотал о жилье и персональной пенсии для нее.

Ему адресовано много упреков от коллег по перу, причем вручались они и после его гибели. 16 мая 1967 Александр Солженицын направил открытое письмо в адрес IV Всесоюзного съезда советских писателей:

«...Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того, подвергались личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не предоставил им для ответа и оправдания страниц своих печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту, но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него. Тем более, руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артем Веселый, Пильняк, Бабель...). Этот перечень мы вынужденно обрываем словами “и другие”. Мы узнали после XX съезда партии, что их было более 600, ни в чем не виновных писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе».

Только Борис Пастернак рискнул в «Людах и положениях» напомнить о «детской» улыбке Фадеева, которую тот ухитрился пронести «через все хитросплетения политики», равно как и о предсмертной записке, обращенной Фадеевым к себе: «Ну, прощай, Саша».

Иногда сопоставляют судьбы Фадеева и Маяковского, находя в них много общего: привлекательная внешность, революционная деятельность, любовь власть имущих, всенародная слава, любовные похождения, способ самоубийства. Однако на деле их творческие судьбы различны. В отличие от Маяковского, одного из лидеров футуризма, чья литературная деятельность началась еще в 1912, Фадеев представлял новую генерацию писателей, биография и творчество которых определились революцией и участием в Гражданской войне на стороне красных.

Да, Фадеев ушел из жизни так же, как когда-то Маяковский, выстрелив себе в сердце. Да, он оставил письмо, адресованное партии и правительству, так же как когда-то это сделал поэт. Но если Маяковский обращался к партии как к близкому, понимающему человеку, то Фадеев подготовил обвинительный акт. Прощальные слова руководителя главной писательской организации СССР не содержали в себе благодарности за высокий пост. Начиналось оно так:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет».

А вот финал письма:

«Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело

к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот хоть был образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета, уйду из этой жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей».

Письмо, адресованное Фадеевым ЦК КПСС, было «арестовано» и получило огласку лишь спустя 34 года после смерти писателя. А партия не замедлила ответить на прощальный крик души писателя в газете «Правда». «Фадеев в течение многих лет страдал алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности... В состоянии тяжелой депрессии, вызванной очередным приступом, Фадеев покончил жизнь самоубийством», — писала газета. Но это была очередная неправда — в литературных кругах Москвы знали, что Фадеев, который вообще-то был склонен к пьянству, последние месяцы не пил. Он покончил с жизнью в здравом уме. Более того, Фадеев долго готовился к этому поступку, ездил по памятным местам, посещал старых друзей, как бы прощаясь с тем, что было ему дорого...

Занятый партийной работой, подавленный личным влиянием Сталина, втравленный в навязанную идеологическую борьбу в писательской среде, Фадеев многое упустил как литератор, несмотря на несомненный талант психологического прозаика и богатейший материал. Свои первые произведения — повесть «Разлив» и рассказ «Против течения» («Рождение Амгуньского полка») Александр Фадеев написал еще в 1922–1923.

До 1926 года он находился на партийной работе в Краснодаре и Ростове-на-Дону и параллельно писал роман «Разгром», в котором «главным движущим конфликтом... выступает борьба против японских интервентов и белого казачества». В 1927, после издания романа, Фадеев стал знаменитым и принял решение стать профессиональным писателем.

Еще в юности он оценил всю силу художественной правды толстовского стиля, отвергающего любую недостоверность и фальшь. В итоге он оказался едва ли не единственным советским писателем, который свою неистовую веру в социалистический реализм сочетал с толстовской эстетикой, требующей полного жизнеподобия. Максим Горький, конструируя социалистический реализм, говорил: «Нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего». Постепенно эта гипотеза некоего идеального коммунистического будущего становилась единственной дозволенной реальностью. А в «Разгроме» двадцатипятилетний автор, бывший красный партизан, нисколько не поступаясь своим коммунистическим фанатизмом, смотрел правде в глаза. Он пытался создать коммунистическую литературу, набожно хранящую верность действительности — психологической, батальной, эротической, что сделало роман уникальным памятником советской литературы, выхоленной цензурой.

Вообще, на примере «Разгрома» видно, как «правильная» трактовка привела к искажению его основной идеи в сознании нескольких поколений. Покрытый хрестоматийным глянцем «Разгром» просто не рассматривался как объект раздумий: все казалось ясным и лежащим на поверхности. Такая «ясность» не замедлила проявиться и при резкой смене идеологии: разгром «Разгрома» стал непременным атрибутом перестроечной критики, хотя высокую оценку ему давали не только партийные издания: «Этот роман написан... совсем не по обычному трафарету, по какому сочиняются и пишутся многими пролетарскими писателями десятки и сотни повестей и романов. И чем решительнее пролетарская литература пойдет по этому новому для нее пути, тем скорее завоюет она себе “гегемонию” органически, а не механическими средствами», — писали критики.

В 1929 Фадеев начал работу над большим, но оставшимся незаконченным романом «Последний из удэге» (работа длилась 27 лет, он время от времени печатал отдельные главы, но роман так и остался незавершенным). Действие «Последнего из удэге»

разворачивается весной 1919 во Владивостоке, в охваченных партизанским движением районах, в таежных деревнях. По замыслу Фадеева, тема революционного переустройства Приморья должна была быть показана сквозь призму патриархальной жизни удэге, малого дальневосточного народа. Глубокое погружение в мир удэге в корне отличает роман Фадеева от лубочных поделок 1930-х, авторы которых рапортовали о социалистическом преобразовании национальных окраин. Фадеев стремился вписать жизнь маленького безвестного племени во всемирную историю... Роман постоянно дополнялся новыми главами, но так и не был завершен. Он стал произведением, несущим в себе искренне и художественно выраженную правду времени, и даже незавершенностью своей «Последний из удэге» утверждает, в конечном итоге, реальную и органическую связь времен, смысл человеческой истории, череду и смену одних эпох другими.

Однако литературная деятельность Фадеева была тесно связана с политической и в итоге оказалась подчинена идеологическим веяниям времени. В 1931 в журнале «Красная новь», где он исполнял обязанности ответственного редактора, появилась повесть Андрея Платонова «Впрок». Фадеева вызвал к себе разъяренный Сталин: «Вы напечатали эту кулацкую, антисоветскую писанину?»... Так были похоронены фадеевские планы по сочетанию художественной правды и коммунистического идеала. Литература, по существу, отошла на второй план; писатель превратился в мичуринский гибрид придворного льстеца и цепного пса. Понимал ли это сам Фадеев? Почти наверняка. В день смерти Михаила Булгакова, подвергнутого остракизму, Фадеев разрыдался во время разговора с вдовой писателя. Возможно, он оплакивал себя...

Почему? Да потому, что казавшаяся безграничной власть над «инженерами человеческих душ» была фантомом, колоссом на глиняных ногах. Все его поступки были полностью подконтрольны куда более реальной власти Сталина. «Всемогущий» Фадеев постоянно находился между молотом сталинского гнева и наковальной общественного мнения, отношения к нему репрессированных писателей. Фадеев знал, что в любой момент может отправиться вслед за писателями, ордера на арест которых он подписывал. И все же подписывал. Фадеев сделал свой выбор — и много ли найдется людей, которые осмелились бы поступить по-другому и остались бы при этом в живых? Через много лет, незадолго до своей смерти, Сталин спросит его: «Что ж это вы, товарищ Фадеев, не проявили бдительности и не разоблачили Алексея Толстого как английского шпиона, а Эренбурга — как французского?!» Только смерть генералиссимуса спасла знаменитых прозаиков от ссылки, а то и гибели.

В годы Великой Отечественной войны Фадеев стал журналистом и, будучи корреспондентом газеты «Правда» и Совинформбюро, объехал ряд фронтов. Его жена, актриса МХАТ Ангелина Степанова, не смогла уехать в эвакуацию с театром из-за тяжелой болезни. Александр Фадеев устроил ее в писательскую «коммуну» в Чистополе. По дороге в эвакуацию Ангелина встретила Марину Цветаеву, но познакомиться с ней так и не успела... В августе 1941 Цветаева повесилась в Елабуге, не сумев устроиться судомойкой в Чистопольский дом писателей.

Осенью 1943 писатель отправился в освобожденный от врагов Краснодар, и собранный там материал лег в основу романа «Молодая гвардия». В 1945 роман был окончен и опубликован. На протяжении ближайших двадцати лет в СССР не было произведения более популярного, чем «Молодая гвардия». Книга отвечала чувствам народа, пережившего трагедию войны и знавшего цену, заплаченную за Победу. Фадееву удалось воссоздать портрет поколения, чья юность пришлась на военные годы.

Но в декабре 1947 в «Правде» появилась статья, где говорилось:

«Из романа выпало самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, — это руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации».

Фадеев приступил к переработке романа. В 1951 была создана вторая редакция, которую писатель дополнял и позже:

«Семь глав автор написал заново, двадцать пять основательно переработал, в семь глав внес поправки и дополнения... Он подвергал редактуре решительно все: и собственно авторскую речь, и лирические отступления, и сцены непосредственного сюжетного действия».

Фадеев безжалостно переписывал биографии главных героев, подчиняя все факты главному — руководящей линии партии.

1953–1956 стали для писателя временем глобальной переоценки ценностей, пришло трезвое осознание бесплодности и незначительности «неисчислимых бюрократических дел», которое привело к тяжелейшему кризису. «Когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня», — писал Фадеев.

После смерти Сталина, и особенно после XX съезда партии, Фадеев почувствовал, что на него, генерального секретаря Союза писателей, в годы сталинских репрессий обрушивался не только груз ответственности за события того времени, но и «подлость, ложь и клевета». Повод к этому давало и отношение к нему новой власти: «...в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

Самоубийство Фадеева многими воспринималось как заслуженное возмездие, как суд совести. Но даже если он и испытал ее муки, то и это выгодно отличает его от многих литературных, а чаще околосредственных деятелей, чьи имена теперь известны, которые доносы в НКВД сделали второй профессией и самоубийством не кончили.

Вдобавок писатель переживал семейные неурядицы — Фадеев и его жена Ангелина Степанова, актриса МХАТ, поначалу жили очень дружно, хотя им редко удавалось подолгу быть вместе: она все время в театре, на гастролях, он тоже постоянно в делах, разъездах. Когда удавалось, они встречались, обживали новую квартиру, обустраивали дачу в Переделкине. Нехватку личного общения им заменяли письма... Но постепенно у Фадеева появлялись новые увлечения, Ангелина Степанова перестала появляться с ним в обществе. Она была не из тех людей, кому можно было задавать вопросы о личной жизни, да никто и не смел заговаривать с ней об этом.

На семейные неурядицы наложились многолетняя тяга писателя к спиртному; по мере продвижения по служебной лестнице Александр Фадеев все больше и больше уходил в себя, стал пить, и жить с ним рядом было тяжело.

Еще один аспект его трагедии заключался в тяжелом творческом кризисе. Кончилась неудачей его работа над романом «Черная металлургия», ибо материалы, которыми пользовался писатель, оказались фальшивкой. И Фадеев в какой-то момент почувствовал, что просто не в силах написать ничего яркого и по-настоящему значительного. Все связалось в такой тугий узел, что развязать его казалось невозможным. Рушилась старая жизнь, а новой не предвиделось. И Фадеев принял последнее важное решение в своей жизни.

С ночи 12 мая до самой смерти Фадеев находился у себя на даче в Переделкине. Последнее утро прошло тихо и спокойно: Александр Александрович работал в кабинете на втором этаже, двенадцатилетний сын готовил уроки внизу. Наступило время обеда, и мальчика попросили позвать отца к столу. Он отправился в кабинет, но буквально через несколько секунд с диким криком скатился с лестницы: папа был мертв. На прикроватном столике лежало письмо, адресованное ЦК КПСС. Председатель МГБ Серов, одним из первых прибывший на место трагедии, сурово взглянул на окружающих: «Кто раскрывал конверт?» Никто — до его прибытия к письму не посмел прикоснуться даже следователь.

Жена Александра Фадеева в это время была на гастролях в Белграде. Весть, которую никто не решался ей сообщить, пришла 14 мая 1956. После спектакля ее посадили в машину и, сказав, что Фадеев тяжело заболел, отвезли в Будапешт — прямых рейсов из Белграда на Москву не было. Правду она узнала в киевском аэропорту, на промежуточной стоянке, где, одолжив у стюардессы мелочь, купила газету. На третьей странице она увидела портрет Александра Фадеева в траурной рамке...

Ангелина Степанова обратилась к властям с просьбой дать ей ознакомиться с содержанием письма. Ей было отказано. Что было написано в письме, она узнала в начале

1990-х, когда его опубликовали в прессе. О ней и для нее не было почти ничего — только просьба простить его...

После похорон Степанова вернулась в Белград. Прибыв в театр за два часа до начала спектакля, она молча прошла гримироваться и так же молча, не слушая соболезнований, вышла на сцену. Никто не знает, чего ей стоило это спокойствие. Театр стал ее спасением, она полностью ушла в актерскую работу. Ангелина Иосифовна Степанова ушла из МХАТа в 1994, прослужив в театре больше 70 лет. Умерла она 18 мая 2000, за несколько месяцев до своего 95-летия.